

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье исследуется проблема межкультурных коммуникаций в условиях глобализации, проанализировано соотношение понятий «глобализация» и «глобализм», обосновывается циклический характер глобализационных процессов в мировой истории. Анализируются основные концепции межкультурных взаимодействий в современную эпоху и специфика их проявления в российской культуре.

Ключевые слова: глобализация, глокализация, гибридизация, макдональдизация.

На рубеже тысячелетий становится все более очевидным, что человечество развивается по пути усиления взаимосвязи и взаимозависимости различных стран, народов и культур. Этот процесс, охвативший различные сферы общественной жизни всех стран мира, в современной науке получил название глобализации. Одним из наиболее значимых аспектов данного процесса является культурная глобализация – процесс нарастания взаимосвязи и взаимодействия культур, протекающий во всемирном масштабе. Развитие процессов глобализации связано с интенсификацией межкультурных коммуникаций, охватывающих весь мир и превращающих его в единое коммуникативное пространство.

В современном мире нарастает сопротивление локальных культур тенденциям глобализации, которое зачастую приобретает жесткий, разрушительный характер. Однако понятие «глобализация» необходимо отличать от понятия «глобализм», которое связано с первым, но не тождественно ему. К. Момджян использует для различения данных понятий «известное в социальной философии различие «деятельности» как целенаправленной активности и «процесса», который инициирован деятельностью, но не совпадает с ней, представляя собой систему самопорождающихся, спонтанно разворачивающихся результатов, которые деятельностью не планировались, не ожидались и не контролируются» [1, с. 39].

Исходя из данного подхода, «глобализм – это целенаправленная и планомерная деятельность в сфере хозяйства, политики и культуры, которая осуществляется вполне конкретными людьми и направлена на достижение того, что одни деликатно называют однополярным миром, а другие – стремлением США к мировому господству. Как и всякая деятельность, глоба-

лизм имеет своих, инициирующих эту деятельность субъектов, ставящих и преследующих свои цели» [1, с. 39]. Глобализация же – это не деятельность, а процесс, который носит объективный характер и в который мы вовлечены не только (и не столько) в качестве субъектов, но и в качестве объектов. В силу данных различий глобализм – это деятельность, которой мы можем и должны противостоять. А глобализация – объективный процесс, которому мы не можем противостоять, хотя можем учитывать его при планировании своей деятельности.

Процесс глобализации далеко не новый. Несмотря на определенную изолированность, разделенность культур и цивилизаций во времени и пространстве, между ними возникали многочисленные сети торгово-экономических, культурных связей с разной степенью интенсивности в разные века, инициированные, как правило, наиболее развитыми цивилизациями, расширяющими свое влияние на другие цивилизационные миры. Еще А. Тойнби в книге «Цивилизация перед судом истории» называет несколько примеров экспансии развитых цивилизаций: сирийская, греко-римская, шумерская и последняя – западноевропейская экспансия. Сама же западная экспансия также имела несколько этапов [2, с. 100].

С позиций В.И. Пантина и В.В. Лапкина, при всем разнообразии развития различных регионов мира в глобальной истории можно наблюдать ритмы («циклы») интеграции и дифференциации, состоящие из двух волн, продолжительность каждой из которых составляет около 500 лет. Первая волна каждого тысячелетнего ритма означает доминирование процессов политической, экономической, социальной дифференциации, а следующая за ней вторая волна – доминирование процессов интеграции.

Глобальные волны дифференциации соответствуют периодам бурного расширения мира, вовлечения в развивающееся международное сообщество новых регионов, территорий, народов. А глобальные волны интеграции в основном соответствуют периодам экономического, политического и культурного освоения уже вовлеченных регионов и территорий.

В целом же авторы выделяют в мировой истории три цикла глобализации (табл. 1).

Сквозной тенденцией в глобальном развитии является чередование доминирования Востока и Запада при переходе от одного цикла дифференциации-интеграции к другому. Так, в античном цикле доминирует Запад в лице эллинистических государств и Римской империи; в средневековом цикле – Восток в лице Арабского халифата, Византии, Китая и Монгольской империи; в цикле Нового времени доминирование Западной Европы и США представляется полным и окончательным. Однако никакое доминирование не является вечным, и сегодня приближается новая эпоха поворота вектора мирового развития. Причем, по мнению философов, можно прогнозировать масштабную перестройку всей системы мировых центров политической и экономической силы, включая изменение природы будущего центра-лидера. Это будет центр-лидер децентрализованного, неимперского типа, включающий в себя динамично развивающиеся страны Юго-Восточной Азии: Японию, Китай, Южную Корею и т. д. [3, с. 248–270].

Современная глобализация по своим масштабам и последствиям представляет собой абсолютно уникальное явление. Во-первых, являясь результатом экспансии западноевропейской цивилизации, она охватывает всю обитаемую часть планеты, приобретает всемирный характер. Во-вторых, покоряя пространство и время при помощи новейших технологических средств, она максимально сближает различные

страны и культуры. В-третьих, она имеет системный характер, поскольку охватывает практически все – экономические, технологические, политические, социокультурные – аспекты жизнедеятельности современных обществ.

Наиболее сложным и противоречивым процессом в развитии современного мира является социокультурная глобализация, затрагивающая такие сферы, как наука, образование, культура, этика, идеология и т. д., и порождающая не только взаимопроникновение, но и взаимоотталкивание культур. Глобализация ведет к серьезным изменениям в культуре – изменениям, имеющим как позитивный, так и негативный характер. С одной стороны, глобализация способствует небывалому прежде ускорению социокультурной динамики, значительному увеличению объема информации, потребляемой индивидом. Она преодолевает казавшиеся неизблемыми в течение многих веков политические границы и идеологические барьеры, формируя единое духовное пространство, в котором представлены ценности всех народов и цивилизаций. С другой стороны, глобализация создает и новые опасности, особенно угрожающие человечеству в долгосрочном плане. Превратив массовую культуру в главное средство духовной экспансии, глобализация приводит к унификации, разрушению культурной идентичности и традиционных ценностей самобытных культур. Реакцией на культурную экспансию западной цивилизации становится рост национализма и экстремизма, шовинизма и ксенофобии, усиление противоречий и конфликтов во всем мире.

В современной социогуманитарной науке существует несколько концепций, описывающих процесс межкультурного взаимодействия в условиях глобализации. Одна из них – *концепция глокализации* Р. Робертсона. Согласно данной концепции, процессы глобализации нельзя представлять только как распростране-

Таблица 1. Циклы глобализации

Циклы	Волна дифференциации	Волна интеграции
I Античный цикл (VIII в. до н.э. – II в. н.э.)	VIII – IV вв. до н.э. (пик VI – V вв. до н.э.)	III в. до н.э. – II в. н.э. (пик I в. до н.э. – I в. н.э.)
II Средневековый цикл (III – XIII вв. н.э.)	III – VII вв. н.э. (пик V – VI вв. н.э.)	VIII – XIII вв. н.э. (пик IX – X вв. н.э.)
III Цикл Нового времени (XIV – XXI (XXII) вв.)	XIV – XVIII вв. (пик XV – XVI вв.)	XIX – XXI (XXII) вв.

ние капиталистических отношений и культурную гомогенизацию мирового пространства. Как в прошлом, так и сегодня глобализация происходит наряду с «глокализацией», то есть приспособлением заимствованных культурных элементов к различным локальным условиям на основе местной традиции [4, с. 532]. Следовательно, унификация и гомогенизация культур в одних аспектах (экономика, материальная культура и быт) сопровождаются локализацией, ростом культурного разнообразия, ренессансом прежних культурных форм – в других (религия, искусство, духовная жизнь и т.д.). В глокализации находят свое выражение тенденции сопротивления локальных культур процессам унификации и стремление сохранить свою идентичность в условиях постоянного давления западноевропейской цивилизации как лидера глобализации.

В рамках концепции «столкновения цивилизаций» американского политолога С. Хантингтона данный процесс трактуется как «индигенизация». Анализируя складывающуюся в мире ситуацию, С. Хантингтон отмечает, что процессы модернизации различных стран (если, конечно, они успешны) ведут к ослаблению западного влияния и возрождению, укреплению и самоутверждению местных традиций – к индигенизации национальных культур. Что же делает «местную» культуру и идеологию привлекательными для населения модернизирующейся страны? «Они становятся привлекательными, когда в них видят корень материального успеха и влияния страны», – отвечает С. Хантингтон [5, с. 133]. Так, коммунистическая идеология привлекала людей, когда был силен и мощен Советский Союз. Но эта привлекательность испарилась вместе со стагнацией советской экономики и ослаблением ее военного потенциала. Жители Юго-Восточной Азии приписывают свой экономический успех не импорту западной культуры, а приверженности своей национальной традиции. Сегодня вместе с упадком могущества Запада уменьшается привлекательность западных ценностей для других цивилизаций и усиливается ориентация на собственную культуру. Следовательно, в обозримом будущем не возникнет единая универсальная цивилизация, а напротив, усилятся сопротивление культур тенденциям унификации, конкуренция и столкновение цивилизаций [5].

По А. Тойнби, последствия и результаты культурной экспансии связаны с тем, что усиливающееся влияние одной цивилизации порождает сопротивление других цивилизаций («ответ» на «вызов»). Так из столкновений великих цивилизаций древности возникли высшие религии, а именно: из столкновения сирийской и вавилонской цивилизаций возникли иудаизм и зороастризм; из столкновения греческой и сирийской цивилизаций – христианство и ислам; из столкновения греческой и индийской цивилизаций – махаянский буддизм.

В XX веке Европа также ощущает сопротивление других цивилизаций на свою культурную экспансию. Европа, которая когда-то была центром, из которого на весь мир излучалась энергия и инициатива, сегодня стала центром, куда стекается неевропейская энергия и инициатива. Так в конце XIX века результатом западной экспансии стал русский марксизм, который «возник как продукт беспокойной совести Запада» [2, с. 161] и ударил рикошетом по самой Европе. В исламских культурах западное влияние породило две основные формы реакции на это влияние: 1) «зелотизм» – фундаменталистское направление в исламских культурах; 2) «иродианство» – стремление перенести в общество западные формы организации общественной жизни.

После распада мировой социалистической системы основную функцию сопротивления западному влиянию стали выполнять фундаменталистские движения и незападные религии, взявшие на себя отстаивание иных моделей жизнедеятельности. Сегодня фундаментализм трактуется как «форма выражения цивилизационной константы, суть которой сводится к стремлению воссоздать фундаментальные основы своей цивилизации, очистив ее от чуждых новаций, вернуть ее истинный облик» [цит. по 6, с. 83]. А потому доминанта у фундаментализма может быть разной: исламской, иудаистской, протестантской и т.д. При доминирующих позициях социалистической системы фундаментализм занимал периферийное положение на фронте межкультурного противостояния. Сегодня он представляется рядом авторов как единственная альтернатива утратившим свое влияние коммунистической идеологии и националистическим концепциям [6, с. 82–99].

Таким образом, межкультурные коммуникации в современном мире характеризуются

тесным переплетением и борьбой двух тенденций – глобализации и локализации, имеющих один общий источник. На наш взгляд, в нем находит свое выражение закон иерархических компенсаций, закон Седова [7], согласно которому гомогенизация на макроуровне системы компенсируется ростом разнообразия на микроуровне – уровне этнических культур, социальных групп, индивидуумов. Современный этнический ренессанс выступает как реакция на глобализирующие, унифицирующие процессы во всех сферах культуры. Поиск разумного баланса между двумя тенденциями социокультурной динамики – предпосылка успешного развития национальных культур в современных условиях, позволяющая им, с одной стороны, сохранять свою самобытность и идентичность, с другой – включаться в мировые цивилизационные процессы, участвовать в продуктивном диалоге культур и осваивать их достижения для реализации собственных целей развития. А следовательно, локальные и глобальные тенденции должны находиться в отношениях комплементарности, взаимодополнительности.

Второй известной концепцией межкультурного взаимодействия в современную эпоху является *концепция гибридации* Я. Питерса, которая может трактоваться как дополнение и развитие концепции «глобализации» Р. Робертсона. Культурная гибридация – это смешение, взаимопроникновение и переработка элементов различных культур в определенном социокультурном пространстве. Интенсификация межкультурных коммуникаций в современном мире не обязательно ведет ко всеобщей стандартизации и унификации на основе европейской культуры. Локальные культуры способны адаптировать глобальные тренды к своей «местной» специфике, совмещая культурную гомогенность и гетерогенность. Подобная гибридация возможна в точках соприкосновения глобального и локального, общенационального и регионального. Культурная гибридация может трактоваться и негативно как неспособность к творческому переосмыслению инокультурного (в данном случае западного) опыта, селективному восприятию и освоению культурных элементов в процессе взаимодействия, следствием чего становится механическое перенесение западных форм организации общественной жизни на «родную почву» и утрата культурной самобытности.

Третья концепция межкультурного взаимодействия – *концепция макдональдизации* американского социолога Дж. Ритцера [8, с. 497–506], которая представляет собой развитие веберовской идеи инструментальной рационализации современных обществ. М. Вебер определял рационализацию как «логическую или телеологическую последовательность какой-либо интеллектуально-теоретической или практически-этической позиции» [9, с. 308]. Как известно, главным фактором социокультурной динамики западных обществ мыслитель считал протестантскую этику, которая способствовала сакрализации профанного бытия личности, превращению страсти к наживе в экономический интерес, распространению и утверждению в западных культурах экономического рационализма. Однако, по мнению самого М. Вебера, протестантизм способствовал распространению экономических принципов на все сферы жизни человека, в том числе и на отношения между людьми. Важнейшим фактором сквозной формальной рационализации становятся деньги, которые подчиняют единой логике и единым смыслом все сферы общественной жизни: экономику, политику, культуру, повседневную жизнь человека.

Наиболее ярким выражением формальной рационализации в эпоху модерна становится фордизм, суть которого состоит в широком использовании поточных принципов и технологий [8, с. 498; 10, с. 42]. Современной парадигмой формальной рациональности становится макдональдизация, которая определяется Дж. Ритцером как внедрение принципов ресторанов быстрого обслуживания в другие сферы общества: медицину, образование, кино, телевидение и т.д. Глобализация унифицирует самобытные культуры на основе упрощенных схем рациональности и структурно-функциональных моделей. В случае макдональдизации эта схема, которую Дж. Ритцер называет ЕСРС, основана на четырех основных принципах: экономическая эффективность, калькируемость процесса и результата, предсказуемость последствий определенных действий, технологически оснащенный контроль. Как показал сам Дж. Ритцер, такая примитивная модель упорядочивания современных сообществ имеет свои особенности. Во-первых, она предназначена отсталым обществам, а также массам, далеким от ква-

лификации, требуемой современным технократическим веком. Во-вторых, унифицирующей глобализации подвергается прежде всего то, что соответствует упрощенным схемам рациональности, например массовая культура, которая выступает сегодня как основной инструмент разрушения традиционной идентичности [11, с. 342].

Таким образом, названные концепции отражают принципиально различные оценки тех процессов, которые развиваются в современном мире. С одной стороны, примитивизация и упрощение в результате унифицирующего воздействия западной цивилизации, с другой – рост культурного разнообразия, усложнение и дифференциация. Однако, на наш взгляд, данные модели межкультурного взаимодействия – глокализация, гибридизация и макдональдизация – существуют в современном социокультурном пространстве не как альтернативные, но как сосуществующие и конкурирующие друг с другом. Баланс этих тенденций оказывается в зависимости от многих факторов: культурной специфики страны, ее прошлого исторического опыта, от культурной политики государства, особенностей взаимодействия с другими социокультурными системами и т.д.

Каким же образом происходит включение России в данные глобальные процессы? Этническое возрождение в конце XX – начале XXI века становится главной тенденцией социокультурного развития России, связанной с распадом некогда целостной державы на ряд суверенных государств и усилением этнического самосознания многочисленных народов страны. Однако локализация, рост культурного разнообразия и ренессанс прежних культурных форм оказываются в нашей стране активизацией наиболее архаичных, восходящих к доиндустриальным способам жизнедеятельности пластов культурной традиции, которые, конечно же, могут рассматриваться как культурное достояние, но не отражают всей сложности функционирования и развития культуры в современном мире. Символами культурной самобытности народов России, как и 100 лет назад, являются сарафан и балалайка, сабантуй и чак-чак. Подобное «фольклористическое представление о культуре» (В. Малахов) или «этнографический романтизм» (В. Тишков) характерны, в частности, для чиновников от культуры, видящих задачи региональной культурной политики в организации многочисленных фольклорных праздников,

фестивалей народной культуры, этнографических музеев и т.д. При этом за пределами внимания остаются важнейшие проблемы современного гуманитарного дискурса, связанные с механизмами обеспечения стабильности и единства полиэтнического государства, распределением ресурсов и власти, доступностью образования, трудовой занятостью представителей этнических сообществ и т.д.

Невольно вспоминаются слова классика, утверждающего, что истинная народность состоит не в описании сарафана и курной избы, а в отражении самого духа народа. Дух же народа – это сложнейший, не поддающийся определению, текучий и динамичный феномен, возникающий на «стыке» культур и существующий в непрерывном диалоге с другими культурными мирами. Что же касается современной культуры, которую мы называем «этнической», то следует признать, что давно уже нет (тем более в нашем полиэтническом государстве) «чистой» башкирской, чувашской и т.д. культуры, а есть общее коммуникативное пространство, в котором смешаны элементы разных культур и в котором культурные различия часто оказываются не более чем различиями в фамилиях их носителей.

Именно такое понимание культуры характерно для исследователей межкультурных коммуникаций в современном мире, например для С. Бенхабиб. С позиции автора, любая культура не есть «связный нарратив, который легко изложить» [12, с. 164], а совокупность конкурирующих и раскалывающих целостность нарративов, границы которых проницаемы, непостоянны, динамичны и изменчивы. «Никогда не бывает единой культуры, одной логически выверенной системы верований, символов и обычаев, которая распространялась бы по «всему кругу человеческой деятельности»... В любой момент времени существуют соперничающие коллективные нарративы и обозначения, простирающиеся поверх институтов и формирующие межкультурный диалог» [12, с. 71–72]. Любая культура – полифоническая, многоуровневая, децентрализованная и расколота на части система, несущая в себе множество разнообразных, часто противоречивых смыслов и существующая в условиях непрекращающегося диалога с другими культурами. Причем в большинстве культур, которые достигли определенной степени сложности и внутренней диффе-

ренциации, этот диалог с другим (другими) носит скорее внутренний, нежели внешний по отношению к самой культуре характер.

Такое понимание культуры представляет более продуктивным в свете тех задач, которые стоят перед российским обществом в начале XXI века, ибо современный этнический ренессанс – обращение к наиболее архаичным пластам этнической традиции, акцент на различиях в ущерб единству, сведение культурной идентичности к этнической – скорее создает препятствия на пути позитивной межкультурной коммуникации, нежели способствует ее гармонизации.

Специфически проявляется сегодня в российской культуре и тенденция *гибридизации*, которая оказывается тесно связанной с проблемой возможности творческого переосмысления инокультурного опыта и создания собственных моделей организации общественной жизни, использующих достижения как западных и восточных, так и отечественной культур. Отсутствие такой способности приводит к механическому соединению глобальных и «местных» форм, к возникновению причудливых «гибридов» во всех сферах жизни общества. Гибридизация находит свое выражение в пространственном соседстве современных «вестернизированных» объектов с пейзажами российского захолустья, в засилии массовой культуры, которую, перефразируя известную формулу эпохи соцреализма, можно назвать «глобальной по форме и локальной по содержанию». Таковыми, например, являются многочисленные аналоги западных телепередач, сериалов, форм досуга и т.д. Как гибридизацию можно рассматривать и попытки сконструировать в современной России гибридную модель высшего профессионального образования, совмещающую в себе черты западной и российской (советской) моделей.

Однако наиболее причудливые и опасные гибриды, порожденные конфликтом двух противоположных ценностных систем, появляются в духовной сфере вестернизирующегося общества. Поверхностное усвоение западного опыта в российском обществе ведет к появлению «расколотого человека» – человека, который, как писал А.А. Зиновьев, хочет «иметь все сразу и без труда, совместить коммунистическое безделье и паразитизм с западным изобилием», которому «нужны не трудности Запада, а его блага, не в

отдаленном будущем, а немедленно, не в жестокой борьбе и не ценой непривычных усилий, а без труда и препятствий» [13, с. 441–442]. Иными словами, это человек, который, с одной стороны, хочет жить в современном обществе, пользуясь его благами и техническими достижениями, с другой – не слишком верит в частную собственность, ценность личности, инициативы и предприимчивости и в достижении всех этих материальных благ уповает на принцип патриархальной уравнительности и справедливости.

Другой философ – А.С. Панарин, словно продолжая мысль А.А. Зиновьева, пишет о том, что трагичность русского национального сознания состоит в неадекватном прочтении западного опыта, ибо им воспринимается не внутренняя аскеза труда, присущая данному обществу, а его внешние плоды, в виде высокого уровня потребления, комфорта, индустрии досуга и развлечений. В результате такой односторонней имитаторской вестернизации происходит заимствование субкультуры досуга и потребительства, но не продуктивной системы Запада с ее культурой труда, профессиональной ответственностью и законопослушанием [14, с. 89]. Однако, как было показано еще Р. Мертоном, высокая значимость досуговых ценностей и ценностей потребительства при низком статусе трудовой аскезы, профессиональной ответственности и законопослушания может являться причиной духовных патологий личности, а также асоциального поведения. Неслучайно все попытки модернизации в России сопровождались резким взлетом показателей преступности, суицидов и других проявлений асоциального поведения.

Но наиболее ярко, на наш взгляд, проявляется сегодня в России тенденция *макдональдизации* общества и культуры. Распространение принципов экономической эффективности на все сферы жизни общества ведет к сокращению финансирования науки, культуры, социальной сферы, то есть тех сфер общественной жизни и культуры, которые не дают немедленного экономического эффекта. В 2000 году российская наука из бюджета получала в 15–18 раз меньше средств, чем в 1985 году, сокращается численность научных сотрудников, а вместе с этим – их вклад в развитие мировой науки. Все это ведет к деградации фундаментальной науки и обрекает российское общество на безнадежное отставание [14, с. 19].

Макдональдизация находит свое выражение в отказе от гуманитарных проектов, не имеющих экономической эффективности; в сведении высшего образования к определенному (бакалаврскому) минимуму, необходимому для участия выпускника в профессиональной деятельности; в рационализации и технологизации образования на всех его уровнях и во всех формах; в повсеместном использовании конвейерных, «поточных» технологий и методов оценки качества образования (ЕГЭ, тестирование и т.п.). На наш взгляд, данные технологии также основаны на принципах макдональдизации: 1) экономической эффективности, которая достигается за счет охвата огромных масс обучающихся; 2) калькируемости, то есть возможности количественного исчисления результатов обучения; 3) предсказуемости – за счет алгоритма, выполнение которого гарантирует получение определенного результата; 4) технического контроля «с использованием унифицированных, не учитывающих личностный фактор технологий» [8, с. 504].

Однако рационализация и технологизация образования имеют свои пределы и границы применения, которые задаются прежде всего спецификой гуманитарного образования. Как известно, гуманитарное образование ориентировано не столько на знание, сколько на личностный смысл знания; включает в себя как необходимый элемент ценностный аспект, оценку познающего субъекта. А потому его результаты сложно поддаются формализации, количественному измерению. Современные технологии оценки качества образования могут использоваться лишь для измерения рациональной компоненты гуманитарного знания (что является далеко не самым главным), тех результатов об-

разования, которые не требуют творчества и самостоятельных интеллектуальных усилий.

В повседневной жизни распространение и утверждение экономического рационализма приводит к появлению «экономического человека», рационально мыслящего, свободного от неформальных связей и отношений, ориентированного на деловой успех и материальное процветание, – идеальной среды для функционирования капиталистической экономики. Вся жизнь человека оказывается подчиненной мелочному расчету, строжайшему учету прибылей и потерь, все измеряется и оценивается при помощи универсального эквивалента, каковым становятся деньги, «любая цель и любой мотив лишается своего собственного обаяния, а за любым действием, любым объектом или событием видится лишь их формальное, количественное выражение» [10, с. 40]. Как показал М. Вебер, именно данный тип человека стал не только источником бурного развития Запада, но и источником его духовных проблем, приведшим к разрушению подлинной общественной жизни, разобщенности и отчуждению людей. Мыслитель трактует «экономического человека» как порождение протестантской культуры, но – как это ни грустно признавать – в этом человеке уже угадываются «родные черты».

В целом же следует признать, что в современной России сосуществуют и конкурируют между собой все три тенденции социокультурного развития эпохи глобализации. Но, к сожалению, ни одна из них не внушает оптимизма и не сулит радужных перспектив, пока Россия ищет «правильные ответы» на свои многочисленные вопросы в «западных образцах», теряющих свою привлекательность во всем мире.

30.04.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Момджян, К. Об одном многократно упоминаемом процессе... / Карен Момджян // Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста / Сост. и ред. А.Ю. Ашкерова. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – С. 38-45.
2. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М.: Прогресс – Культура, 1996. – 480 с.
3. Пантин, В.И., Лапкин, В.В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века / В.И. Пантин, В.В. Лапкин. – Дубна: Феникс+, 2006. – 448 с.
4. Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 556 с.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
6. Сергеева, О.А. Особенности современных цивилизационных процессов / О.А. Сергеева. – М.: «МАТИ» – РГТУ им. К.Э. Циолковского, 2002. – 267 с.
7. Седов, Е. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – №5. – С. 92-100.
8. Ритцер, Дж. Макдональдизация, глобализация / американизация и новые средства потребления // Современные социологические теории. 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 497-506.
9. Вебер, М. Избранные произведения / Макс Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 804 с.

10. Зарубина, Н.Н. Трансформации рациональности в глобализирующемся мире: влияние денег / Н.Н. Зарубина // Социс. – 2009. – №4. – С. 38-48.
11. Федотова, В.Г. Хорошее общество / В.Г. Федотова. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
12. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Сейла Бенхабиб. – М.: Логос, 2003. – 350 с.
13. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.
14. Панарин, А.С. Заблудившиеся западники и пробудившиеся евразийцы / А.С. Панарин // Цивилизации и культуры. Вып. 1. / Гл. ред. Б.С. Ерасов. – М.: Ин-т востоковедения АН РФ, 1994. – С. 82-94.
15. Заславская, Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – №4. – С. 13-25.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант №09-03-81301а/У).

Сведения об авторе: Мухамеджанова Нурия Мансуровна, заведующая кафедрой культурологии
Оренбургского государственного университета, доктор культурологии, доцент.
460018, Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 2010, тел. (3532) 372574.
Электронная почта: nuriyam@yandex.ru.

Mukhamedzhanova N.M.

Intercultural communications under globalization conditions

The article studies the problem of intercultural communications under globalization conditions, analyzes notions «globalization» and «globalism», and justifies cyclic character of globalization processes in the world history. Author analyzes main concepts of intercultural interaction into modern age and the specific features of their appearance in the Russian culture.

Key words: globalization, glocalization, hybridization, McDonaldization.

Bibliography:

1. Momdzhani, K. About own repeatedly mention process... / K. Momdzhani // The twilight of globalization: the desk book of antiglobalist / Comp. and edit. by A.U. Ashkerov. – M.: AST; Ermak, 2004. – P.38-45.
2. Toynbee, A.J. Civilization on trail / A.J. Toynbee. – M.: Progress-Culture, 1996. – 480 p.
3. Pantin, V.I., Lapkin V.V. Philosophy of history forecasting: the rhythms of history and perspective of world development in first half of XXI century / V.I. Pantin, V.V. Lapkin. – Dubna: Fenix+, 2006. – 448 p.
4. Comparative study of Civilizations: reader / Comp. and edit. by B.S. Erasov. – M.: Aspekt-Press, 2001. – 556 p.
5. Huntington, S. The clash of civilizations and remaking of world order / S. Huntington. – M.: AST, 2003. – 603 p.
6. Sergeeva, O.A. Special feature of modern civilizations process / O.A. Sergeeva. – M.: MATI – RGTU, 2002. – 267 p.
7. Sedov, E. Information-entropy characteristics of social systems / E. Sedov // Social sciences and modernity. – 1993. – №5. – P.92-100.
8. Ritzer, J. Macdonaldization, globalization / americanization and new means of consumption // Modern sociology theory. Number 5. – SPb.: Piter, 2002. – P.497-506.
9. Weber, M. Selected works / M. Weber. – M.: Progress, 1990. – 804 p.
10. Zarubina, N.N. Transformation of rationality in globalizations world: influence of money / N.N. Zarubina // Sociology researches. – 2009. – №4. – P.38-48.
11. Phedotova, V.G. Good society / V.G. Phedotova. – M.: Progress-Tradition, 2005. – 544 p.
12. Benchabib, S. Pretension of culture. Equality and variety in modern age / S. Benchabib. – M.: Logos, 2003. – 350 p.
13. Zinoviev, A.A. Communism as reality / A.A. Zinoviev. – M.: Centrpoligraf, 1994. – 495 p.
14. Civilizations and cultures. Number 1 / Comp. and edit. by B.S. Erasov. – M., 1994. – P.82-94.
15. Zaslavskaya, T.I. The human potential in modern transformations process / T.I. Zaslavskaya // Social sciences and modernity. – 2005. – №4. – P.13-25.